

тарные науки, способны оказать стимулирующее воздействие на развитие естественнонаучного знания. Однако однозначный вывод о безусловной эвристической или методологической важности философского знания для успешной деятельности ученого невозможен по причине многочисленности и эклектичности образов, заимствуемых современным естествознанием не только из сферы философского, но и сферы внеученого знания.

В рамках современной системы образования должны создаваться условия для осуществления междисциплинарного синтеза, но конкретный состав участников данного синтеза не должен быть

жестко установлен. Ибо, как мы могли увидеть из приведенных выше исторических примеров, участниками синтеза могут быть не только образы, принципы, заимствуемые из тех, или иных научных дисциплин, философских теорий, но и из сферы внеученого знания, например, религии. Речь не идет о возможной религиозной пропаганде среди ученого сообщества, а о создании условий для взаимодействия достаточно широкого круга дисциплин в осуществлении междисциплинарного синтеза.

Публикуется при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009–2013 гг.».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мирский Э.М. Междисциплинарные исследования // Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль, 2001. – Т. 2. – С. 518 с.
2. Касавин И.Т. Философия познания и идея междисциплинарности // Эпистемология. Философия науки. – 2006. – Т. II. – № 2. – С. 5–14.
3. Степин А.С. Наука, религия и современные проблемы диалога культур // Наука и религия. Междисциплинарный и кросс-

культурный подход. Научные труды / под ред. И.Т. Касавина. – М.: Канон+, 2006. – С. 11–25.

4. Вайнберг С. Мечты об окончательной теории: физика в поисках самых фундаментальных законов природы. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

Поступила 24.11.2009 г.

УДК 1(091)

КРИТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ И СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Н.А. Гончарова

Томский политехнический университет

E-mail: natg@tpu.ru

Рассмотрены основные положения критического реализма как направления западной философии науки. Проведен анализ программных работ английских и американских философов 70–90-х гг. прошлого века по онтологии естественных наук, идеи которых актуальны и на современном этапе развития научного знания и дополняют научную картину мира. Поставлен вопрос о взаимодействии языка и реальности с позиций критического реализма. Уточнена срединная позиция критического реализма по отношению к позитивизму и постпозитивизму.

Ключевые слова:

Критический реализм, трансцендентальные аргументы, транзитивные и интранзитивные измерения науки, стратифицированная реальность, наука как социальная практика, язык и реальность, независимое бытие объекта, эксперимент.

Key words:

Critical realism, transcendental arguments, transitive and intransitive dimensions of science, stratified reality, science as social practice, language and reality, independent existence of object, experiment.

На протяжении всей истории развития философии и методологии науки одни теории дополняют, развивают, критикуют и сменяют другие. Такой историко-эволюционный подход к описанию науки имеет свои недостатки, упрощает и схематизирует сложные процессы, но имеет и преимущества, за счет структурирования и систематизации научных направлений и парадигм, есть от чего отталкиваться в генерировании новых моделей осмысления науки.

Применительно к критическому реализму, автор статьи ставит следующие задачи: уточнение по-

зиции философского течения в современной философии науки путем выборочного анализа работ конца XX в., Роя Башкара и Теда Бентона; постановка вопроса об активности сознания, мышления, а, следовательно, и языка в познавательном процессе по вскрытию слоев реальности.

В результате философско-исторического анализа парадигмальных установок и направлений философии науки на протяжении XVIII–XX вв., несмотря на их многообразие, наиболее дискуссионным вопросом является допущение о существовании двух крайних подходов: позитивистского,

ориентированного на эмпирические факты и интерпретативного, опирающегося на их истолкование. Однако существуют и другие неэмпирические взгляды на науку, такие как историческая эпистемология Томаса Куна, пост-позитивизм Пола Фейерабенда в форме «эпистемологического анархизма», историко-философская традиция Макса Вебера и универсальная прагматика Юргена Хабермаса.

Данная статья рассматривает критический реализм как возможный третий вариант (непозитивистский реализм), принимающий крайние взгляды и являющийся значимым основанием современной философии науки.

Значение критического реализма в качестве подхода философии социальных и гуманитарных наук остается противоречивым и незначительно описанным в отечественной философии науки. Преимущественное большинство исследовательских работ и энциклопедических статей отечественных авторов ограничиваются рассмотрением критического реализма как самостоятельного философского течения, оформившееся в начале XX в. (20–30-е гг.) и представленное такими именами как Д. Дрейк, А.О. Лавджой, Дж.Б. Пратт, А.К. Роджерс, Дж. Сантаяна, Р.В. Селлерс и Ч.О. Стронг. Так, можно привести следующее определение критического реализма – «неоднородное течение в европейской и американской философии втор. пол. XIX – перв. пол. XX в., для которого, наряду с признанием независимой от сознания реальности, характерно подчеркивание необходимости различать объект познания и его образ в сознании» [1]. Значительно меньшее число работ посвящено западному критическому реализму конца XX в., который в отечественной теории описывается как научный реализм – «неоднородное течение в аналитической философии науки втор. пол. XX в., для которого характерно признание реального существования абстрактных объектов, постулируемых научными теориями», основными представителями которого являются Дж. Смарт, Р. Бойд, Р. Харре, Я. Хакинг, Х. Патнэм и др. [1].

Реализм в современной философии XX века преимущественно представлен работами английских авторов 70-90-х гг. прошлого столетия (Р. Харре, Р. Кит, Дж. Урри, Т. Бентон, Р. Башкар) [2–5].

Итак, «что есть «реализм» и что есть «критический» как его версия?» – задается вопросом Тед Бентон [6]. От художественного реализма в нем остается признание существования внешнего мира, независимого от и пренебрегающего нашими желаниями, намерениями, попытками понять и изменить его. Прилагательное «критический» может означать стремление критических реалистов принять на себя социальное обязательство по изменению неудовлетворяющей и деспотической реальности, а так же «роль знания в человеческой самозамансипации», самоутверждение человека в мире [4].

Таким образом, реалисты привержены идее существования реального мира, который независим от знаний и представлений о нем. Однако, они стоят на том, что окружающий мир познаваем и в некоторой степени открыт для изменений на основе знания, которого можно достичь. Было бы неверно редуцировать критический реализм до абсолютно точного соответствия между имеющимися представлениями и знанием о предполагаемой реальности. Существует четыре характеристики критического реализма, которые отличают его от подобной упрощенной трактовки.

Во-первых, критический реализм считает, что естественные науки как когнитивная деятельность имеют смысл только при допущении что, они изучают то, что существует независимо. Это не говорит в пользу того что истина провозглашаемая отдельной частной наукой истинна. Только рассматриваемая наука может сделать и оценить подобное заявление – и только в узком диапазоне действительно данного ей эмпирического материала. *Во-вторых*, с другими течениями современной философии критический реализм объединяет рефлексивность условий возможности мысли или языка выразить что-то вне себя: критический реализм отличается от эмпиризма теоретизацией знания как социального процесса, который включает различные способы репрезентации. *В-третьих*, критический реализм отличается от других форм реализма тем, что полагает внешний вид вещей как потенциально ложный по отношению к их реальным качествам и природе. По этой причине знание должно быть процессом и «достижением»: работа должна быть сделана вне и до обманчивой внешности вещей. Наконец, – и это наиболее важно – критический реализм основывается на независимости реальности объектов от наших знаний и необходимости преодолеть ложную внешность, подразумевает, что существующие представления всегда будут открыты корректировке в свете будущей когнитивной практики (наблюдение, экспериментальные данные, интерпретации, теоретическая аргументация и т. д.)

Далее, рассмотрим естественную науку с позиций критического реализма Роя Башкара [3, 4].

Следует различать: возможность доказать существование некоторого специфического класса сущностей или механизмов, заявленных наукой; возможность объяснить реальный научный отчет как попытку открыть и изучить подобный механизм.

Критический реализм пытается сделать последнее и выдвигает достаточно строгие «трансцендентальные аргументы» такого видения природы науки. Эти аргументы начинаются с вопроса «в каком случае *P* может быть возможно? Допустим, что некоторое условие *S* является необходимым условием для *P*. Изначально признав *P* действительным, а, следовательно, оно должно быть возможным и условия, делающие его возможным, должны быть удовлетворены. Т. е. *S* является обстоятельством» [3]. Несом-

тря на то, что сами по себе выводы «трансцендентальных аргументов» не являются нетривиальными, в реалистской теории естественных наук Р. Башкара они ведут к представляющим интерес умозаключениям, а именно «транзитивному» и «интранзитивному» измерению науки. Иначе говоря, знание транзитивно, независимо существующие сущности могут стать объектами сознания, которое их идентифицирует, и интранзитивное знание, «релевантное», так как сознание приписывает некоторые качества, которыми определяемая вещь может обладать.

Р. Башкар выдвигает «трансцендентальные аргументы» на основе таких научных практик как эксперимент, научный диспут и применения научного знания в технике. Например, «Какое условие делает научный эксперимент возможным?» ответ делится на две группы: с одной стороны, утверждение о том каким должен быть мир, в котором возможен эксперимент, с другой стороны, утверждение о том каким должно быть научное исследование делающее проведение эксперимента возможным [3]. Р. Башкар использует термин «интранзитивное» измерение применительно к первой группе утверждений и «транзитивное» измерение ко второй. В качестве основной структуры интранзитивного измерения подразумевается анализ условий возможности эксперимента. Такой анализ имеет три уровня реальности:

- а. «реальный» мир механизмов, их силы, тенденций и т. д., которые наука пытается открыть;
- б. «действительный» уровень потоков или последовательность событий, который может быть создан в экспериментальных условиях или происходить в более сложных и менее предсказуемых стечениях обстоятельств вне научно-исследовательской лаборатории;
- в. «эмпирический» уровень регистрируемых событий, который обязательно является только лишь небольшим подразделом предыдущего уровня.

Строгий эмпиризм может признать только *в*-уровень феноменов как реальный. Признававший единственной реальностью субъективный опыт (ощущения, представления). Более мягкий эмпиризм признает бытие «неопытных», но «переживаемых» (*experienceable*) событий как реальные (*б*-уровень) и считает источником чувственного опыта объективно существующий мир [2].

Отличительной чертой трансцендентального «критического» реализма является утверждение независимости реальности *а*-уровня, «реального» уровня механизмов, их силы и тенденций. Этот уровень может быть выведен из интеллигибельности экспериментальной деятельности, что делает эксперименты необходимыми. Там где нет ничего кроме потока «переживаемых» (*experienceable*) событий, будет нечего открывать посредством экспериментов, и знание будет только наблюдающим и суммирующим. Однако, необходимо помнить о том, что

анализ экспериментирований показывает только то, что «должны быть» основополагающие каузальные механизмы, силы, и ничего не говорит о том, каковы эти механизмы. Это предмет самостоятельных исследований в каждой научной дисциплине.

Таким образом, критического реализма заявляя о том, что существует реальность независимая от наших научных исследований о ней, и эта реальность стратифицированная или многоуровневая. В философской онтологии Р. Башкара ключевыми уровнями являются реальный, действительный и эмпирический [3]. Конечно, Рой Башкар признает, что каждый уровень реален, то есть существует в действительности, в связи с чем, возникает путаница с термином «реальный», также используемым для различения уровня реальности. Метафора об уровнях подразумевает, что критический реализм это «глубокий» реализм, в котором научное исследование пытается проникнуть в суть вещей, оставляя позади их внешние характеристики и вскрывая их генеративные причины.

Далее, перейдем к краткому рассмотрению того, что Р. Башкар называет «транзитивным измерением» науки, т. е. какими должны быть научные исследования, способы коммуникации и общество, делающие науку возможной. В этом случае, критический реализм близок к позициям Т. Куна, П. Фейерабенда и социологов науки и признает социальный и исторический характер науки. Наука как социальная практика предполагает наличие социальных институтов, где осуществляется научная коммуникация и критика, а роль метафоры в научной аргументации подразумевает существование культуры, которая снабжает концептуальным «сырьем» для производства научного знания. Так, например, Р. Харре и М. Хессе подчеркивают значение и возможности метафоры и аналогии в построении научной теории, и задачу философии видят в том, чтобы понять формы исследования и выражения внутренней структуры вещей, ненаблюдаемых объектов. Кроме этого, критический реализм делает уклон в сторону экспериментальной деятельности человека, который выступает в качестве «овеществленного агента», заключающейся в его способности намеренно вмешиваться в мир, мониторинге последствий своего вмешательства и вступлении в критический диалог по поводу их интерпретации [6].

Итак, выделим отличительные черты критического реализма как течения философии науки:

- наука признается как социальная практика, а научное знание как социальный продукт;
- постулируется независимое от сознания бытие объекта научного познания;
- научный эксперимент и открытие рассматриваются как материальная и социальная практика посредством чего, первая и вторая характеристики становятся возможными.

Несмотря на отмечавшуюся ранее схожесть взглядов, Т. Кун, П. Фейерабэнд и конструктив-

сты признают социальную природу науки, но имеют значительные сложности в логически последовательном рассмотрении независимости бытия объекта научного познания.

С другой стороны, приверженцы эмпиризма практически не оставляют места социальному измерению научной деятельности и не обосновывают независимость бытия объекта научного познания. В лучшем случае они ограничиваются видением реальности как потока «поверхностных» событий и науки как суммирующей записи о них.

Взаимодействие языка и реальности в критическом реализме рассматривается через значение ме-

тафоры, используемой для выражения и описания ненаблюдаемых сущностей и референцию научных терминов.

Представленные выше положения и выводы в значительной степени сформулированы применительно к естественным наукам. Что касается социальных наук, среди представителей критического реализма не наблюдается согласия, которое относительно достигается по поводу естественных наук. В связи с этим возникает особая группа вопросов, которые необходимо рассмотреть отдельно — они не входили в серию задач данного аналитического обзора и будут отражены в следующих публикациях автора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. — М.: Гардарики, 2004. — 1072 с.
2. Archer M., Bhaskar R., Collier A., Lawson T., Norrie A. Critical Realism: Essential Readings. — London; New York: Routledge, 1998. — 756 p.
3. Bhaskar R. A Realist Theory of Science. — Abingdon; New York: Routledge, 2008. — 265 p.
4. Bhaskar R. Scientific Realism and Human Emancipation. — Abingdon; New York: Routledge, 2009. — 215 p.

5. Harre R. The Philosophies of Science: An Introductory Survey. — Oxford University Press, 1985. — 203 p.
6. Philosophy of Social Science: the philosophical foundations of social thought / Ed. by T. Benton, I. Craib. — Basingstoke: Palgrave, 2001. — 203 p.

Поступила 23.11.2009 г.

УДК 101.1:316.462:316.422

ТРАНСФОРМАЦИИ ВЛАСТИ В ДИСКУРСЕ ПОСТМОДЕРНА

Д.В. Чайковский

Томский политехнический университет
E-mail: dnvit@tpu.ru

Рассматривается трансформация понятия «власть» в философии постмодерна. На основе анализа работ Ж. Деррида, М. Фуко и др., показывается смещение акцента с отношений «господство – подчинение» к отношениям «символического принуждения». Раскрывается микрофизика власти в трактовке М. Фуко. Демонстрируются коммуникативные основания власти в современном обществе.

Ключевые слова:

Постмодернизм, власть, деконструкция, М. Фуко, симулякр, коммуникация.

Key words:

Postmodernism, power, deconstruction, M. Foucault, simulacres, communication.

Неявные, скрытые отношения власти стали миссией для критически настроенной французской философии второй половины XX в. и, в целом, для всей постмодернистской культуры. Существует множество взглядов на определение постмодернизма. Ж.Ф. Лиотар так описывал современную культуру: «ты слушаешь рэги и смотришь вестерн, обедаешь в МакДональдсе, а ужинаешь в ресторане, предлагающем местную кухню; в Токио ты пользуешься парижскими духами и одеваешься в ретро-стиле в Гонконге» [1. С. 130]. Сводимость воедино казалось бы несовместимых вещей, эклектичность общей структуры — вот то, что позволяет безоши-

бочно определять проявления постмодернизма в общей социо-культурной матрице. В литературе, искусстве, философии постмодерна, да и в целом в жизни постмодернистского общества преобладают пластичность, отсутствие фиксированной стилиевой и прочих доминант, мозаичность. Вместо застывших форм постмодернизм апеллирует к становлению и динамике, оправдывая тем самым свое определение как культуры информационного общества.

Возникнув на базе постструктурализма и деконструктивизма первоначально в качестве литературного течения (произведения Д. Барта, Х. Кортасара, Х.Л. Борхеса, Т. Пинчона, У. Эко) постмодер-